

Лю Чуньхуа не пошла домой, как предполагал Чжао Сюэи, а начала без цели бродить по деревне Дая.

С тех пор как в тот день на глазах у всех её сын позорно увёл её, Лю Чуньхуа больше не могла поднять голову в деревне.

Она была гордой и самолюбивой женщиной, но теперь, куда бы она ни пошла, на неё указывали пальцем и шептались, а те, кто с ней не ладил, прямо в лицо отпускали колкости. Её чувства были понятны.

Когда она вернулась домой и не выдержала, пожаловавшись Тун Вэйминю, этот обычно молчаливый мужчина неожиданно заговорил:

— Тебе неприятно, когда эти люди так говорят о тебе?

Лю Чуньхуа даже не обратила внимания на его мрачное выражение лица, продолжая ругаться:

— Пф, все они подлецы, которые гнутся перед теми, у кого есть деньги. Посмотри на себя, ты ничего не умеешь, только землю копаешь...

Тун Вэйминь смугло посмотрел на неё:

— Если тебе не нравятся их слова, то зачем ты распространяла слухи о Ван Пинпин? Это не имеет отношения к деньгам, это твоё наказание за болтливость, и ты должна это принять.

Его голос был спокоен, но слова попали прямо в самое больное место Лю Чуньхуа.

За всё годы брака Лю Чуньхуа никогда не слышала от Тун Вэйминя таких резких и обидных слов. Она тут же взорвалась, выкрикивая поток ругательств.

Тун Вэйминь выгнал сына из дома и, оставшись наедине с разъярённой женой, спокойно сказал:

— Я знаю, что ты всегда презирала меня, считала меня уродливым и никчёмным. Это правда. Но ты не должна была презирать нашего сына за его простоту и моих родителей за то, что они не оставили мне денег.

Лю Чуньхуа всегда была недовольна своей семьёй, и в прошлом это часто проявлялось в её словах. Обычно никто не хотел ссориться с ней, поэтому никто не рассказывал Тун Вэйминю о её жалобах.

Но с тех пор, как она столкнулась с Ван Пинпин, всё больше людей увидели истинную сущность Лю Чуньхуа. Из сочувствия к Тун Вэйминю они рассказали ему многое, чего он раньше не знал.

Это и заставило его принять решение:

— Мы разведёмся.

Эти слова были тщательно обдуманы и произнесены с серьёзностью.

Лю Чуньхуа почувствовала головокружение.

Солнце ярко светило над головой, но почему-то ей было так холодно?

Лю Чуньхуа не ответила мужу, дрожащими руками закуталась в куртку и направилась в комнату.

Но Тун Вэйминь остановил её:

— Мы разводимся. Сын остаётся со мной, ведь ты его не любишь. Дом поделим пополам, а все деньги, которые мы заработали за эти годы, отдадим сыну. Я ничего не возьму.

Чем спокойнее был Тун Вэйминь, тем сильнее гнев Лю Чуньхуа.

Она пнула стул, который с грохотом упал на пол, затем схватила метлу и ударила её по ненавистному лицу.

Тун Вэйминь не сопротивлялся, лишь твёрдо смотрел на неё.

Лю Чуньхуа, устав от ударов, бросила метлу и выбежала из дома.

Она не решилась встретиться взглядом с мужем.

Лю Чуньхуа никогда не занималась самоанализом, все свои неудачи она списывала на других. С Ван Пинпин она пока не решалась связываться, вдова Чжао была под замком, и единственным, к кому она могла обратиться, был Чжао Сюэи.

Она пришла в школу и потребовала у него тысячу юаней, угрожая разоблачить его грязные дела.

После уроков Тун Цянь таинственно рассказал об этом Чжоу Минъяню:

— Правда? — удивился Чжоу Минъянь.

Тун Цянь разочарованно вздохнул:

— Не притворяйся удивлённым... Это так фальшиво.

Чжоу Минъянь перестал изображать удивление и равнодушно сказал:

— Просто хотел поддержать тебя. Что касается этих людей, пока они не лезут к нам, их дела нас не касаются.

Тун Цянь подумал, что это правда.

Он просто радовался тому, что Лю Чуньхуа и Чжао Сюэи попали в неприятности.

Он хотел поделиться этой новостью с мамой, но после слов Чжоу Минъяня решил промолчать.

На самом деле, даже если бы он рассказал, Ван Пинпин, скорее всего, лишь посмеялась бы.

Она была очень занята, её бизнес с ланчами процветал, и она не забывала про лавку с рисовыми шариками. Она и Сюй Цзя едва справлялись с работой.

Несмотря на это, Ван Пинпин каждый день ездила между деревней и городом, вечером готовила еду на следующий день, чтобы дети могли есть свежую пищу.

Поэтому она каждый день засиживалась до поздней ночи, а на рассвете снова отправлялась в

город. Через несколько дней она сильно устала.

Дети, видя это, уговорили её позволить им самим готовить еду.

Тун Цянь, благодаря своему красноречию, убедил Ван Пинпин остаться в квартире, которую снимала Сюй Цзя, чтобы избавить её от утомительных поездок.

Когда единственный взрослый ушёл, дети почувствовали себя свободными, как мыши, выбежавшие из норы.

Тун Цянь, вернувшись домой, бросил портфель, скинул обувь и плюхнулся на самодельный диван.

Тун Пань'эр молча подобрала обувь, аккуратно поставила её у двери и пошла на кухню, где сварила рис, разогрела блюда, приготовленные Ван Пинпин заранее, и начала разжигать огонь.

Тун Цянь зашёл на кухню попить воды и, увидев это, почувствовал неловкость.

Хотя они были братом и сестрой, Тун Цянь, будучи перерождённым, считал, что должен заботиться о младшей сестре. Но что он делал сейчас?

На самом деле, в детстве Тун Пань'эр не была такой послушной.

Раньше, когда Ван Пинпин уходила в поле, она оставляла маленького сына на попечение старшей дочери.

Однажды Тун Пань'эр заигралась с друзьями и забыла о времени. Маленький Тун Цянь, только научившийся ползать, потянулся за горячей бутылкой с водой. Бутылка упала, и мальчик, обожжённый кипятком, закричал. Соседи позвали Ван Пинпин и Тун Вэйлуна. Ван Пинпин не стала ругать дочь, а просто отвела сына к врачу, но Тун Вэйлун в ярости избил Тун Пань'эр до полусмерти.

Только когда Ван Пинпин вернулась и увидела, что дочь едва жива, она остановила Тун Вэйлуна.

С тех пор Тун Пань'эр стала «послушной» и редко играла с другими детьми.

Тун Цянь не помнил этого случая, если бы не услышал, как Тун Вэйлун хвастался своим «методом воспитания», он бы никогда не узнал, что сестра чуть не погибла.

Взгляд Тун Цяня остановился на правом ухе Тун Пань'эр, где остался неизгладимый серый шрам от того избиения.

— Сестра, сестра!

Тун Цянь позвал дважды, прежде чем Тун Пань'эр подняла голову и, увидев брата рядом, спросила:

— Я готовлю обед!

Она покачала головой, ведь брат был ещё маленьким, как он мог готовить?

Видя её упрямство, Тун Цянь больше не стал спорить, а решительно поднял её и вытолкнул из

кухни:

— Минъянь ждёт тебя, чтобы объяснить задачу, иди к нему!

Тун Пань'эр молчала.

Тун Цянь повторил, и она, наконец, кивнула, посмотрев на брата с беспокойством, и ушла.

Да, то избиение в детстве не только оставило неизгладимый шрам на теле Тун Пань'эр, но и повредило её слух.

Несмотря на все усилия Ван Пинпин, которая обращалась ко многим врачам, слух Тун Пань'эр восстановился лишь частично. Даже обычная речь была для неё едва слышна.

Тун Пань'эр смогла продолжить учебу только благодаря своему упорству.

Когда она впервые пришла в начальную школу Дая, никто не знал, что она плохо слышит. Но вскоре учителя заметили, что девочка часто выглядит растерянной и не успевает за уроком, а когда её вызывали к доске, она не реагировала.

Сначала учителя решили, что у неё проблемы с умственным развитием, но, вызвав родителей, узнали правду. Они возмутились поведением Тун Вэйлуна, но столкнулись с дилеммой.

Ваш ребёнок с особыми потребностями, он не сможет успевать за классом, будет тормозить всех и станет объектом насмешек.

Ван Пинпин, с красными глазами, готова была упасть на колени перед учителями, умоляя позволить Тун Пань'эр продолжать учиться.

В то время не было понятия о специальных школах.

Если бы Тун Пань'эр не смогла учиться в начальной школе Дая, Тун Вэйлун ни за что не отправил бы её в другое место, и она осталась бы неграмотной.

В конце концов, директор школы разрешил Тун Пань'эр остаться, пообещав, что учителя будут заниматься с ней отдельно, если она не будет успевать.

<http://bllate.org/book/16382/1482705>